

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ПРИРОДА МЕТАФОРЫ

Беззубикова Марина Валерьевна, кандидат филологических наук, доцент, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, e-mail: mv55@yandex.ru.

Кайгородова Ирина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Астраханский государственный университет, 410056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а.

Статья посвящена метафоре, образование которой связано с речемыслительной деятельностью писателя. В статье определяются когнитивно-дискурсивные свойства метафоры.

Ключевые слова: метафора, дискурс, когниция, художественный текст, образ

THE COGNITIVE-DISCURSIVE NATURE OF METAPHORS

Kaygorodova Irina N., Doctor of Philological Sciences, Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st.

Bezzubikova Marina V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: mv55@yandex.ru.

The article is devoted to the metaphor, the formation of which is associated with intellect activity of the writer. The article defines cognitive-discourse properties of metaphor.

Keywords: metaphor, discourse, cognition, literary text, image

Метафора в наши дни представляется гораздо более сложным и важным явлением, чем это казалось ранее. Результаты последних исследований позволяют предположить, что метафора активно участвует в формировании личностной модели дискурсивного мира, играет крайне важную роль в интеграции вербальной и чувственно-образной систем человека, а также является ключевым элементом категоризации языка, мышления и восприятия. Поэтому в настоящее время изучение метафоры проводится не только в рамках лингвистики, но главным образом в психологии, когнитивной науке и теории искусственного интеллекта.

Как когнитивный феномен, метафора включается в сферу познания.

Когнитивной основой метафорического переноса являются изоморфность глобальных характеристик человеческого существования, социальная и культурная среда, ограниченный объем человеческой памяти, а также ассоциативный фонд. По мысли, принадлежащей Л.А. Шестак, «врождённая когнитивная компетенция позволяет человеку ориентироваться в пространстве по отношению к собственному телу, выступающему точкой отчёта и эталоном для прямых и производных от них переносных значений таких понятий, как *верх*, *левый*, *низко*. Клишированность и ритуализированность жизни социума позволяет идентифицировать понятие 'смерть' и 'прекращение деятельности' (*политическая смерть*), 'рождение' и 'появление, начало' (*рождение зари*)... » [6, с. 22]. Поэтому разнообразные жизненные ситуации приобретают ценностную значимость и приобретают эталонно-обязательную функцию. Проиллюстрируем это на примерах:

– *Пардон, мусью!* – продолжал он трагической интонацией и **возвышенным языком** «интеллигентного» нищего, – *обращаюсь к вам не как пре-*

зренный бродяга, а как некогда благородный и порядочный человек (А.И. Куприн).

Есть в каждом человеческом лице какие-то неуловимые, загадочные чёрточки, которые не изменяются в нём от детского возраста до старости, точно так же, как есть такие же нотки в тембре каждого голоса, по которым через десять, двадцать лет признаёшь человека, как бы он ни огрубел, ни опустился, ни зачерствел и ни пал... (А.И. Куприн). Данные словесные образы легко декодируются и приобретают в рассказе определённый смысл: (*произносить*) *возвышенным языком* – ‘говорить правильно и красиво’; *ни опустился, ни пал* – ‘о том, кто не стал бездеятельным, а, несмотря ни на что, остаётся морально стойким’.

В когнитивной лингвистике метафору рассматривают как взаимодействие разных фреймовых структур: элементы слоты одного фрейма заменяют соответствующие в другом фрейме. Например, в рассказе А.И. Куприна «Одиночество» взаимодействуют разные фреймовые структуры: *Солнце ещё не взошло, но половина неба была залита бледным розовым светом*. В метафоре происходит наложение языковых знаков фреймовых структур: концепт «свет» наделяется свойствами концепта «вода» – текучестью, которые можно рассматривать как концептуальный признак.

По мнению А.Н. Баранова, «основной тезис когнитивной теории метафоры сводится к следующей идее: в основе процессов метафоризации лежат процедуры обработки структур знаний – фреймов и сценариев. Знания, реализующиеся во фреймах и сценариях, представляют собой обобщенный опыт взаимодействия человека с окружающим миром – как с миром объектов, так и социумом» [3, с. 9]. Для понимания когнитивной природой дискурсивной метафоры важную роль играет апперцепция, лингвокогнитивная сущность, которая верно подмечена уже А.А. Потебней. Апперцепция восприятия отображаемой в художественных текстах денотативной ситуации обеспечивает понимание нового предмета или явления сквозь призму уже известного, вследствие этого возникает возможность метафорического переноса на новый предмет сходных с его внешним видом, функциональным назначением, качественными характеристиками черт уже известного. Поэтому знания о мире являются когнитивной базой для перехода второстепенных признаков в статус основных, важных для адекватного восприятия художественного текста. Например, знания о том, что женщина более заботлива, чем мужчина послужили основанием для метафорического переноса в рассказе М.А. Шолохова «Кривая стежка»: *Туман, низко пригибаясь, вился над скошенной травой, лапал пухлыми седыми щупальцами колючие стебли, по-бабьи кутал курившиеся паром копны*. Внутриязыковой закономерностью развития значений, полагает Л.А. Шестак, «является причина, по своему характеру также психологическая, связанная с оперативной памятью и сложностью, объёмностью языковых единиц: невозможность дать каждому предмету мира отдельный знак – звукокомплекс, оперировать всё новыми обозначениями для ежесекундно меняющихся ситуаций действительности» [4, с. 24].

По нашим наблюдениям в отличие от языковой метафоры, в основе которой лежат стереотипные ситуации и общий фонд знаний языкового коллектива, дискурсивные метафоры представляют собой уникальное видение предмета или явления. Несмотря на то, что многие учёные представляли метафору в виде универсального инструмента духовно-практической деятельности человека и отдавали ей предпочтение перед дискурсией, по справедливому замечанию В.Н. Вовк, «дискурсия и метафора – суть два взаимообусловленных и взаимосвязанных аспекта этой деятельности» [5, с. 47]. Дискурсивная метафора обладает широким спектром далёких и близких ассоциаций, более того, может занимать значимое место в парадигме художественного текста: выступать в качестве ключевого слова текстового метафорического поля, т.е. сло-

ва, обладающего следующими свойствами: многообразие связей с другими словами, повторяемость (лексическая и семантическая), сюжетная и идейная значимость, семантическая емкость. Так, в рассказе Л.Е. Улицкой «Пиковая дама» главная героиня сравнивается с *духом*: героиня обладает необычайной жизненной силой, капризным характером, несмотря на преклонный возраст. Когнитивная метафора участвует в раскрытии художественного образа, а также является формой образной когезии данного текста. Сначала в рассказе при описании героини не используется метафора (*дух*), однако возникают похожие ассоциации: *На этот раз, выкатившись на середину кухни, Мур молчала. Чёрное кимоно висело пустыми складками, как будто никакого тела под ним не было. Только желтоватые костяные кисти в не снимающихся перстнях да длинная шея с маленькой головой торчали как у марионетки.* Выражения *пустые складки*, сравнение *как у марионетки* обладают ассоциативно-образным потенциалом – ‘отсутствие тела, пустота’. Далее используется метафора: *В это предутреннее время мать захватила её врасплох, и, не подготовив себя заранее, она впервые увидела её отстранённо, как будто чужими глазами: перед ней стоял ангел, без пола и без возраста, и почти без плоти. Живая одним духом. Но каков был этот дух, Анна Фёдоровна знала преотлично. Зажимая в руке новенькую книжку, дух произнёс: – Какая глупость написана в этих воспоминаниях!* Ассоциации в художественном произведении возникают не спонтанно, а являются результатом художественно-творческого процесса, в котором отдалённые, несвязанные представления приобретают вполне понятные связи между описываемыми явлениями. Поэтический образ рождается столкновением реальных объектов художественного познания в пространстве авторского мировоззрения, а не сводится к одной лишь передаче формы.

Метафоризация «основана на взаимодействии двух структур знаний – когнитивной структуры «источника» и когнитивной структуры «цели». В процессе метафоризации некоторые области цели структурируются по образцу источника, иначе говоря, происходит «метафорическая проекция» или «когнитивное отображение» [3, с. 9]. Метафоризация приводит к радикальной перестройке модели миропонимания, поскольку традиционная категориальная сетка разрушается, но при этом порождает новое представление. По утверждению Н.Ф. Алефиренко, «метафоризация как когнитивный процесс состоит из следующих мыслительных шагов: а) выбора наиболее яркого и общеизвестного аналога, б) переноса соответствующей части знаний, части эмпирического опыта из сферы базиса, или источника, в область объекта познания и именованя, в) порождение новых смыслов вследствие взаимодействия двух идей» [1, с. 53]. Рассмотрим, как данное суждение цитируемых учёных реализуется. Например, в рассказе А.И. Куприна «Ольга Сур» цирковой артист Пьер испытывает чувство любви к дочери хозяина цирка, и это чувство в рассказе представлено дискурсивной метафорой: *Но наши, цирковые, давно уже поняли Пьерову болезнь.* Метафора образуется взаимодействием двух фреймов: базового фрейма, или фрейма источника, и фрейма объекта сопоставления. Содержание слота базисного фрейма (*болезнь*) переносится в одноимённый слот объектного фрейма (*любовь*). В механизме образования этой метафоры выступает основа сопоставления *болезнь*, из которой вычленяется слот «состояние» фрейма ‘отклонение от привычного физического и душевного состояния’ и переносится в слот «состояние» фрейма ‘приятное физическое и душевное состояние’. В образовании метафоры именно когнитивные истоки позволяют расширить языковую семантику и выйти в область экстралингвистики, где и формируется образное значение знаков вторичной номинации.

В поисках ключа к познанию метафоры автор художественного текста выбирает иную область фактов, доступных пониманию на уровне здравого смысла, с тем, чтобы в дальнейшем постичь исследуемую область в терминах уже

известной. Исходная область становится его базисной аналогией, или базисной метафорой. Характерные свойства, основные понятия известной области становятся отправным пунктом в изучении новой области; при этом исследуемые факты интерпретируются в терминах знакомых категорий. Таким образом, метафора выступает средством создания нового смыслового содержания. В рассказе А.И. Куприна «Потерянное сердце» наблюдаем дискурсивную метафору, которая строится по той же модели: *Юрков отлично заметил её гордый, небрежный и презрительный взгляд. Но... всё равно... Теперь ему уже не было спасенья. Стрела амура успела пронзить в этот момент его мужественное сердце, и он сразу же заболел первой любовью: любовью нежной, непреодолимой и неизлечимой.*

Описание того, как работает метафора (или как развивается мысль), связано с изучением процессов, происходящих в нашем сознании, когда мы неожиданно объединяем два референта, относящихся к двум различным сферам. В связи с этим необходимо предположить существование глубинных структур человеческого разума в качестве устройства, порождающего язык. Читателю необходимо объединить в определённой степени несопоставимые референты, и в результате такой концептуальной аномалии возникает некоторое эмоциональное напряжение. Например, в рассказе «Справедливость в скобках» И.Э. Бабель создаёт метафору: – *Побеги хотят кушать. У меня их семь, и моя жена восьмой побег.* Чтобы соотнести референты друг с другом (человек и побег), необходима работа сознания. Функция сознания – связывать. Обычно сходство является наиболее очевидной основой переноса, поскольку метафора должна быть понятна. С другой стороны, своеобразные модификации «содержания» (главного референта), которые возникают благодаря «оболочке» (тому, что он напоминает), являются в гораздо большей степени результатом различий между референтами, чем сходства между ними. Это связано с тем, что метафора призвана создавать некоторый новый смысл, т.е. обладать суггестивностью. В концепции Б.А. Ларина актуальным признаётся тот факт, что суггестивность текста и взаимообусловленность всех его элементов определяют характер метафоры в художественной речи. Для нас является важным, что «несмотря на свою парадоксальность, метафора – более доступное нашему пониманию средство передачи информации, поскольку опирается не на абстрактные сущности, а на знакомые всем общающимся (или, по крайней мере, большинству из них) окружающие предметы, которые в данной этнокультуре имеют особое ценностно-смысловое содержание» [2, с. 168]. Так, лексема *побег* имеет общепринятое толкование – ‘Молодая ветка, стебель растения с листьями и почками’, но для многих носителей русского языка обладает дополнительными коннотативными смыслами. Таким образом, концептуальный процесс, порождающий метафору, распознает как сходные свойства референтов, на которых основывается аналогия, так и несходные, на которых строится семантическая аномалия. Степень сходства и несходства определяет истинное значение метафоры.

Мысль о том, что в основе семантического процесса лежит процесс когнитивный, прослеживается в работах многих учёных. Так, И.В. Бондаренко предполагает существование трех уровней идеальных конструкций когнитивного процесса, порождающего метафору: 1) поверхностный язык; 2) семантика; 3) познание. «Мыслительный процесс, представленный в идеальных конструкциях этими тремя уровнями, соотносит их друг с другом при производстве метафор и при помощи более общего процесса познания. Рассматриваемые изнутри, метафоры функционируют как когнитивные процессы, с помощью которых мы углубляем наши представления о мире и создаем новые гипотезы» [4, с. 8]. Такие метафоры функционируют в качестве посредников между человеческим разумом и внешним миром. В рассказе Л.Е. Улицкой «Бедная счастливая Кольванова» дискурсивная метафора рождает поэтический образ: *Евгения Алексеевна была большим мастером взгляда, она умела смотреть кротко,*

ключе, многообещающе, загадочно и презрительно, вступая в молниеносные личные отношения. Она дочитала до конца весь список, подержала **на крючке** своего взгляда каждую из этих **маленьких рыбок**, запомнила фамилии двух девочек-близнецов, мальчика-лилипута, улыбающейся толстухи с передней парты и еще нескольких, с особыми приметами. В этом отрывке повествуется о том, как новая классная руководительница знакомится со своими учениками. Ученики напоминают ей маленьких рыбок, которых она как будто держит на крючке, т.е. осмысление одних объектов (учеников) осуществляется через призму других (рыбки). Хотя когнитивные механизмы порождения метафор в рамках одной и той же речемыслительной ситуации обуславливаются этнокультурными предпочтениями, писателю предоставляются большие возможности для создания оригинальных метафорических моделей. Благодаря этому рождаются художественные концепты, продуктом которых являются дискурсивные метафоры. Подобные метафоры относятся к оригинальным образным выражениям, репрезентирующим концепты.

Таким образом, дискурсивно обусловленное образование метафор представляет собой речемыслительное явление, которое происходит на поверхностном уровне текстов, хотя начало берёт в глубинных когнитивно-коммуникативных процессах лингвокреативного характера, получая, тем самым, новые возможности для развития смысловой гаммы метафорического знака. Дискурсивные метафоры представляют собой уникальное видение предмета или явления и выступают ярким стилистическим приёмом в текстах, помогают выявить авторскую идею, поскольку выступают основой для реализации художественных концептов, а в дальнейшем – художественной картины мира.

Список литературы

1. Алефиренко Н. Ф. Поэтическая энергия слова. Синергетика языка, сознания и культуры / Н. Ф. Алефиренко. – М. : Academia, 2002. – 394 с.
2. Алефиренко Н. Ф. Язык, познание и культура: Когнитивно-семиологическая синергетика слова / Н. Ф. Алефиренко. – Волгоград : Перемена, 2006. – 228 с.
3. Баранов А. Н. Когнитивная теория метафоры : почти двадцать пять лет спустя / А. Н. Баранов // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живём. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – С. 7–21.
4. Бондаренко И. В. Исследование метафоры на семантическом и когнитивном уровнях / И. В. Бондаренко // Проблемы семантики и прагматики. – Калининград : Калининградский гос. ун-т, 1996. – С. 7–13.
5. Вовк В. Н. Языковая метафора в художественной речи (природа вторичной номинации) / В. Н. Вовк. – Киев : Наукова думка, 1986. – 142 с.
6. Шестак Л. А. Русская языковая личность : Коды образной вербализации тезауруса / Л. А. Шестак. – Волгоград : Перемена, 2003. – 312 с.

References

1. Alefirenko N. F. *Pojeticheskaia jenergija slova. Sinergetika jazyka, soznaniia i kul'tury* [The poetic energy of a word. Synergetics of language, consciousness and culture]. Moscow, Academia publ., 2002, 394 p.
2. Alefirenko N. F. *Jazyk, poznanie i kul'tura: Kognitivno-semiologicheskaia sinergetika slova* [Language, cognition and culture: a Cognitive-semiological synergetic words]. Volgograd, Peremena publ., 2006, 228 p.
3. Baranov A. N. *Kognitivnaja teorija metafory : pochtii dvadcat' pjat' let spustja* [Cognitive metaphor theory : almost twenty-five years later]. *Dzh. Lakoff, M. Dzhonson. Metafory, kotorymi my zhivjom* [J. Lakoff, M. Johnson. Metaphors that we live in]. Moscow, Editorial URSS publ., 2004, pp. 7–21.
4. Bondarenko I. V. *Issledovanie metafory na semanticheskom i kognitivnom urovnjah* [The study of metaphor to the semantic and cognitive levels]. *Problemy*

semantiki i pragmatiki [Problems of semantics and pragmatics]. Kaliningrad, Kaliningradskij gos. un-t publ., 1996, pp. 7–13.

5. Vovk V. N. *Jazykovaja metafora v hudozhestvennoj rechi (priroda vtorichnoj nominacii)* [The language metaphor in the art of speech (the nature of the secondary nomination)]. Kiev, Naukova dumka publ., 1986, 142 p.

6. Shestak L. A. *Russkaja jazykovaja lichnost' : Kody obraznoj verbalizacii tezaurus* [Russian linguistic personality : shaped Codes of verbalization thesaurus]. Volgograd, Peremena publ., 2003, 312 p.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Сатретдинова Альфия Хамитовна, кандидат филологических наук, Астраханский государственный медицинский университет, 414000, Россия, ул. Бакинская, 121, e-mail: Alfijasatretdinova@rambler.ru.

В статье рассмотрены структурно-семантические и лексико-грамматические трансформации фразеологических единиц в поэтическом тексте. На основе методики контекстуального анализа исследуются различные способы преобразований фразеологизмов, выявляются функциональные особенности использования устойчивых сочетаний в поэзии Серебряного века. Автором представлены примеры обыгрывания фразеологического образа в стихотворных текстах К. Бальмонта, В. Брюсова, А. Блока, М. Цветаевой, И. Бродского, Б. Пастернака, В. Ходасевича, С. Есенина, О. Мандельштама и др. Интерес к поэзии Серебряного века обусловлен смелым экспериментированием авторов данного периода в области поэтической семантики и стремлением раскрыть потенциальные возможности русской фразеологии.

Ключевые слова: фразеологическая единица (ФЕ), фразеологизм, устойчивые сочетания, поэзия Серебряного века, структурно-семантические преобразования, лексико-грамматические трансформации, окказиональные фразеологические сочетания, функциональные возможности, обыгрывание, фразеологический образ

FUNCTIONING IDIOMS IN THE POETRY OF THE SILVER AGE

Satretdinova Alfiya H., Candidate of Philological Sciences, Astrakhan State Medical University, 414000, Russia, Astrakhan, 121 Bakinskaya st., e-mail: Alfijasatretdinova@rambler.ru.

The article is devoted to the structural, and semantic, lexical, and grammatical transformations of phraseological units in the poetic text. Based on the methods of the contextual analysis some different ways of transformations of phraseological units are studied and some functional features of using idioms in the poetry of the Silver Age are found out. Some examples of rephrasing, phraseological image in the poetic texts of K. Balmont, V. Bryusov, A. Blok, M. Tsvetaeva, I. Brodsky, B. Pasternak, V. Khodasevich, S. Esenin, O. Mandelshtam, etc are given by author. This interest to the poetry of the Silver Age is conditioned by the brave experimentation of the poets of this period in the field of the poetic semantics and the desire to reveal the potential possibility of Russian phraseology.

Keywords: phraseological unit, phraselogram, idioms, the poetry of the Silver Age, structural and semantic transformations, lexical and grammatical transformations, occasional phraseological combinations, functional possibility, rephrasing, phraseological image